

Поэзия диаспоры

Юлия ДРАБКИНА (ИЗРАИЛЬ)

Родилась в Беларуси (Гомель) в 1977 году. Окончила филологический факультет Гомельского государственного университета. В 2000 году переехала с семьей в Израиль. Преподает английский язык в средних и старших классах общеобразовательной школы. Автор нескольких десятков публикаций в печатных и интернет-журналах. Лауреат международного поэтического конкурса «Ветер странствий» (Рим, 2010) и конкурса имени Иосифа Бродского «Критерии свободы» (СПб, 2014).

Юлия Драбкина уже давно обрела свою интонацию и своё поэтическое видение мира. Стихи её выстраиваются в качестве полотен, на которых отражено время, события, картины в непосредственный момент их восприятия. От строки к строке держит она внимание читателя, который не может предположить, куда вырвет сюжет стихотворения. Эта непредсказуемость и придаёт стихам автора особый поэтический характер.

Д. Ч.

«У ПОДНОЖИЯ СПЯЩЕГО МИРА»

* * *

Истекающий вечер вплетает огни
в переливы мелькающих станций.
То ли сбрендивший город молитвы бубнит,
то ли плачет прощальные стансы.
Измождённое лето лежит на боку,
по безлюдной земле распласталось,
часовая кукушка лепечет «ку-ку-
без-пяти-понедельников-старость».
Всё написано. Неба густой палимпсест
закорючки последние ловит,
до земли раскачавшийся Северный Крест
зацепился за мой могоендовид.
На цепочке болтаюсь, как пойманный тать,
у любви на последнем пределе.
– Ты всегда говорила, что хочешь летать?
– Ну, хотела...
– Тогда полетели!
Отрываюсь рывками от боли земной –

так взмывает подбитая птица.
Мне на привязи душно, и страшно одной,
и обратно нельзя опуститься.
А внизу, подпоясано мёртвым узлом,
хохоча, чертыхаясь и воя,
извивается время, распаду назло
обращаясь во что-то живое,
как из груди полночного стихорванья
не ответы встают, а вопросы,
как из выжженной глины, где мама моя,
по весне расцвели абрикосы...

* * *

Так беднеет земля, так внезапно скудеет язык:
между русским и нашим охранник убит на рассвете,
так, под стёклышком времени сделав последний тайник,
оставляют запущенный город подростские дети.
Так мутнеют пустые глаза постаревших зеркал,
облезает сгоревшею кожей с них амальгама,
так не спящим во тьме еженощно являет оскал
параллельного мира кипящая чёрная яма.
Так зачем же нужна бесполезная правда твоя?
Почему всех других веселее кандальные танцы?
Расскажи мне, куда исчезают твои сыновья,
за какие пределы уходят любви новобранцы?
Ироничный мой Бог, так, один, в сардонический век,
и другому чужой, и себе самому посторонний,
по натянутой леске идущий к тебе человек,
словно листик истерзанной мяты, растёрт меж ладоней.
Так неведомый глас запевает в твоей тишине
над чадающей стихами обителью, будто валторна,
так под музыку жизнь опускается с неба ко мне,
неуклюжа, прекрасна, бесценна, смешна, рукотворна...

* * *

Проблесковым огнём посигналили,
раздробили земли волокно...

Говорю: то идут не за нами ли?
Говоришь: а уже всё равно.
Что колотишь в небесную досточку,
что напрасно грызёшь удила,
если в сердце вишнёвая косточка
сетью вишен тугих проросла?
«Получи-распишись» – заключение,
что попытка любви удалась
(будто что-то имеет значение,
если веры исчерпана власть).
Понимаешь, надежда-красавица,
что напрасна твоя ворожба,
если губы Господни касаются
раскалённой поверхности лба?
Одноликие, общеголовые,
без наркоза на раз разняты,
это мы, несудьбой поцелованы,
переходим за край немоты.
Может, вместе оплачем заранее
одинокую горькую новь?
Говорю: упраздняется знание...
Говоришь: перестанет любовь...

* * *

А давай поболтаем с тобой по дороге домой?
Расскажи, от меня отодвинув прицел пистолета,
что ты, Время, планируешь делать пришедшей зимой?
Я – вымалывать дождь у страны победившего лета.
Словно ломаный грош в навсегда опустевшей мошне,
в темноте затерявшись, просвета ищу неумело.
Слышишь, плачет простуженно колокол? Это по мне.
Прикоснись взезным стетоскопом к поверхности тела...
По хрустальному винному небу течёт божоле,
накрахмаленный звёздами, вечер – в бордовом убранстве.
Что останется после меня на расстрельной земле?
Инструментом чьего языка я исчезну в пространстве?
Может всю эту странную сказку для нас сочинил
злонамеренный бог языка в ожидании встречи,
для того чтобы просто хватало кровавых чернил
апологию боли писать на одном из наречий?

I

Перед отправкой в небо присмирив,
срываются с ослабленных дерев
летающие лодочки-тарелки.
Крошит в ладонях щедрая заря
богемские осколки декабря –
слипаются фонемы в дождик мелкий.
Такое вот земное естество...
Оно тебя проглотит, ты ль его –
угадывая, смотришь в укоризне,
подспудно понимая – поделом,
но ищешь, ищешь фантик под стеклом,
запрятаный тому назад две жизни.
Ты кто, писатель или персонаж?
Свободен или, взят на бордаж,
заглатываешь смерть пробитым днищем?
Ты – тень своих не сочиненных книг,
хрипит заднеязычно твой двойник,
багровым окропляя пепелище.
Отправит ли издатель-грехолов,
содрав с него коросту лишних слов,
роман-судьбу в печать без примечанья?
Герой неглавный, пряча наготу,
ты со свинцовым привкусом во рту
как будто задыхаешься в молчанье.
Какая уж тут истина? Окстись...
Ямбическим стихом оборотись,
последним откровением некстати,
оброненным намёком свысока...
Но, буквы превращая в облака
и глядя в небо, ты решаешь – хватит.

II

И вот однажды ты решаешь – хватит.
Привычно сигаретку прикусив,
вылазишь из прокрустовой кровати
в прохладу дня, где перистый курсив
пророческой строкой на синем фоне,
а падший ангел двери не закрыл:
в озоновую дырочку сифонит,

кружатся на ветру останки крыл.
Проходишь по квартире бледной тенью,
величиною, вышедшей в тираж,
и твоему финальному решению
не нужен посторонний арбитраж –
ты сам себе выписываешь сроки,
но как же надоела канитель...
А новый день, небесно-светлоокий,
срывается с разохшихся петель.
Последним взглядом сверлишь эту просинь
и прыгаешь в раскрытое окно,
считая хладнокровно:
девять,
восемь...
четыре,
три...
еще мгновенье, но
какой-то Бог, очнувшийся спросонок,
подхватывает: мол, побудь пока.
Так держит заигравшийся ребёнок
живой протуберанец светлячка.

* * *

Ну, а вдруг я ещё пригожусь, например, интермеццо
исполнять среди чужих декораций? Не жми на курок,
не слепи меня, Господи, впрок разреши насмотреться
на развилки твоих облюбленных мною дорог.
По осколкам хрустального солнца идти неумело,
до последнего терпкого вдоха судьбу потроша,
и не знать, как потом, после смерти усталого тела,
по законам бессмертия остро умнеет душа.
Как, в другом измерении тоньше, светлей и священной,
всё простит и поймёт бессловесно она, а пока
я хочу хоть в одном из телесных своих воплощений
перейти без оглядки за край твоего языка.
Где, суровы и немые, твои промолчат правдорубы,
вырезая флажки из смирительных белых рубах,
где почувствую вдруг нестерпимо любимые губы
на своих в ожиданье запекшихся горьких губах.
Но с собой – не проси – не возьму эту волглую бездну
выстилать, обращаясь пыльцой, сорняками, травой.

Где-то там, за пределами речи, очнусь и исчезну,
намотав на охрипшего Бога компресс спиртовой.

С ВИДОМ НА МОРЕ

I

Подсветив горизонт, раскололась,
разлетелась на брызги заря,
слышен моря продрогшего голос.
Ты ведь знаешь, как плачут моря?
Это слёзы не горя, не боли –
это праведный, божеский суд.
Это в нас облака поневоле
просочились и сердце сосут.
После зимней дрожит переполки,
до костей промерзая, земля,
средиземного неба осколки
вытекают в душлаг февраля.
Время, бледное, дышит хрипато,
ловит капли иссушенным ртом,
усмехаясь, лицо циферблата
не расскажет, что будет потом.
Это миг в бесконечном миноре
не умеющих ткать полотно.
Обними меня с видом на море,
и пускай не заплачет оно.

II

Море плакало, море бесилось,
надувалось, от злости бело,
и, растратив последние силы,
на холодное дно залегло.
Лишь Нептун покачал головою,
задувая былые следы,
всё, когда-то такое живое,
захлебнувшись под толщей воды,
обратилось гриппозными снами.
Только ночью в меня не смотри:
там беззвучные бьются цунами,
омывая пустоты внутри.
Не буди: не заметив подмены,

я приму эти сны словно явь,
на зыбучем краю Ойкумены
мне хотя бы на память оставь
этот миг в бесконечном миноре
не умеющих ткать полотно,
это море, бессмертное море,
набежавшее в наше окно...

* * *

У подножия спящего мира лежит бахрома
пордевшей любви, как промокшая чайчья стая.
До чего же бездонною выдалась эта зима –
паутинная штопка печали прорехи латает.
Закрываю глаза и гляжу, как пространство горит
на изнанке израненных век, журавлей-оригами
запускает с ничейного неба сошедший Магритт,
расступается твердь под его ледяными ногами.
К отпечатку моих на стакане земного стекла
исступлённо на миг приложись неземными губами,
существующих в памяти нас отразив, зеркала
захлебнутся внезапно в оплывшей своей амальгаме.
Рассчитавшись на первый-второй, из зачитанных книг
воплотившись, бывлые герои прольются грозой –
это спайка времён, это всё тектонический сдвиг,
пережиток разлома души, результат мезозоя.
Это тайные знаки на голом дрожащем листе:
у настоящей боли ни голоса нет и ни слуха.
Это ночь, я пишу, и щекочет в густой темноте
одинокое перышко Божье мохнатое ухо.

* * *

Помнишь, как в детстве играли в игру –
клятвы, гаданье на всём, привороты?
Я загадала, что я не умру,
если увижу тебя до субботы.
Призрак зимы растопырил крыла,
сыплются мокрые хлопья заката;
кто виноват, что весна не пришла?
Ладно, пускай буду я виновата

в том, что, оставшись на краткий постой,
время прошло, никого не врачую.
Что там маячит за мутной чертой –
слухи напрасные – знать не хочу я.
Между любовью и горечью нить,
Божья крупа, человекочастица,
я не посмею о большем просить:
пусть мне хотя бы немного простится.
С мягким укором знакомая тень –
чья это, полная слёз, шифрограмма?
К небу затёкшие руки воздень –
в щёлочку облака капает мама...

Григорий ПЕВЗНЕР (ГЕРМАНИЯ)

Родился в Харькове 8 мая 1956 года, и жил там же – с перерывом на учёбу в Ленинграде – до отъезда в 1992 году в Германию. В прошлом педиатр, в настоящем физиотерапевт. Женат, двое взрослых детей, двое внуков. Живёт в Марбурге. В Москве вышли три сборника стихов: в 2006 г. «Зелёный медведь», в 2012 г. «На этом берегу» и в 2016 «Обрывки сна». В Гейдельберге в его переводе вышли две классические немецкие детские книги «Der Struwwelpeter» Генриха Гофмана («Стёпа-растрёпа») и «Max und Moritz» Вильгельма Буша. Публиковался в «Иерусалимском журнале», журналах «Партнёр» и «Зарубежные записки», в различных антологиях.

Григорий Певзнер в своих стихах часто совмещает две разных точки зрения – детско-подростковую и зрелую взрослую, что придаёт стихам очарование свежего поэтического взгляда и житейской мудрости. Автор бывает лукав, весело ироничен и печален, добр и гневен – в зависимости от того, что переживает, о чём размышляет. Но никогда не бывает назидательно скучным. В его стихах живёт обаяние настоящей поэзии.

Д. Ч.

* * *

Большие соборы – словно вокзалы или базары,
в коих много золота, в коих мало Бога.
Богу уютней в часовнях старых!
...А ещё есть кирха под Марбургом и марбургская синагога.

Синагога – это сказано слишком громко и чинно.
В основном для являющихся по повестке
престарелых безбожников постсоветских
дом молельный и дом общинный.

Просто нет евреев других под рукой, се ля ви.
Но зато есть Амнон и Беня, ведущие службу.
В этот Дом Бог является в виде Бога любви,
предлагающего взамен нетерпимости дружбу.

Этот Дом создавался с большим трудом.
Дом стал больше не нужен больничной кассе, а нас устроил.
Из него рождался общинный наш дом,
а мой папа с командой дом этот строил.

Здесь в почёте суть, а не чепуха.
Здесь не ищут грехи твои ежеминутно.
Здесь Амнон сказал: «Очень важная вещь галаха!
Но важней, чтоб здесь каждому было уютно!»

Так что тут я пристрастен: свои, евреи...
Но теперь о кирхе – о деревенской церкви.
...Бог не злее нас и не добрее,
просто у него другие акценты.

Просто Бог один, а нас разных много.
Но при этом принцип неизменяем:
мы сперва под себя подгоняем Бога,
а потом себя под него подгоняем.

Эта кирха вот начинается с детского уголка:
всякий хлам, игрушки, головоломки.
И, родители приобщаются к Богу пока,
приобщаются к Божьему дому потомки.

Тут иначе, чем всюду: придёшь впотьмах –
мало ли какие чувства кого накроют! –
а священник со старостою в ближайших домах.
Постучишь, попросишь – тебе откроют.

Здесь любви служеньем, похоже, заняты,
и живёт здесь любовь, а не наносное.
Все сидения подогреты, все дверцы не заперты.
А под потолком готическое кружево подвесное...

Все апостолы, словно с детских рисунков срисованные,
и вообще всё какое-то любвеобильное.
Под органом старые туфли органиста растоптанные,
возле органа старое зеркальце автомобильное.

...А когда все ложатся и жизнь замирает,
когда сладко спят все уже и ещё, в эту гулкую пору
Бог приходит, садится и на органе играет –
органиста тупфи Всевышнему впору.

* * *

Проснулась муха и как будто «Дуглас»
из множества б/у-шных запчастей
сварганенный любителем на старте
сперва подрагивает пробует моторы
моторы тарахтят неровно глохнут
но снова заведённые стартёром
внезапно набирают обороты
и с видимым усиьем малость боком
подбрасывают муху над бетоном
точней над подоконником щербатым
она летит и от полёта крепнет
всё больше мощи круче виражи
и дело пахнет высшим пилотажем

* * *

Лёгкий апрель. Тихое утро.
Мочится пёс. Кошка глазееет.
Там перламутр. Тут камасутра.
Солнечный звон. Детская зелень.

Спит ещё шум. Отдых для слуха.
Муха молчит, спамить не хочет.
Да иногда правое ухо
сонным дыханьем ангел щекочет.

* * *

Ступни босые на ступени,
на мрамор, тёплый изнутри, –
приятно, ангел побери!
Остепениться? Стать степенней?

Пусть Пан играет на свирели,
пусть дует в дудочку Господь,
а арфы – на хрена нам арфы,
когда, в шкафы отправив шарфы,
мы соль земли берём в щепоть?

Такое мыслимо в апреле,
где все пичуги одурели,
по веточкам и по кустам
нанизывая «ман-дель-штам»
на струны бывшего тумана,
где вырастает эта манна,
не всем доступная устам.

* * *

Немецкий выучишь и вдруг,
обалдевая, въедешь в идиш
литературный и увидишь,
что он логичен и упруг,
что он не более похож
на тот, что в детстве доносился
(и тот хорош – и сей хорош!),
когда не для твоих ушей
(чтобы не гнать тебя взащей)
какой-то текст произносился,
чем диалекты деревень
(две-три проехал – снова новый!
Для чужака расклад суровый)
германских на литературный,
на коем якобы культурный
народ триндит не как в деревне.
Зато иврит похож на древний –
и ничего! Такая хрень.

* * *

А бабка деду «ред аф идиш»¹
бросала, предваря текст.

¹ ред аф идиш – говори по-еврейски (идиш)

И я не знал, что Ты не выдашь,
парнокопытное не съест.

Не знал я, кто я и зачем я.
Меня пытали пацаны
(я был предметом развлечения
для алексеевской шпаны).

Я успевал по всем предметам,
лишь стать собой не успевал.
Я узнаваем по приметам
эпохи, в коей вызревал,

когда страну под знаком «пох*й»
вёл ставший куклою генсек
и пела Пьехою эпоха
о синей птице не для всех.

* * *

Я заперт в русском языке.
Ограды прутья плохо гнутся.
Ношу отмычки в рюкзаке,
но к рюкзаку не дотянуться.

Мой в украинском мал улов.
Он смачен, наперчён и точен,
но в нём мне не хватает слов –
нужны, а не хватает очень.

Никак с немецким не сдружусь –
на нём тружусь неутомимо,
но для нюансов не гожусь:
я глуховат – нюансы мимо.

Иврит с испанским по чуть-чуть.
Английский выпал по дороге.
Мой к языкам нелёгок путь –
они такие недотроги!

Сижу, стихи перевожу,
в своих глазах немного стою.

И слов на дне не нахожу.
И мутно маюсь немотою.

* * *

Когда внезапно скончался тесть,
он превратился в могильный холм
с таким же мягким большим животом,
пуговички камней с которого отрывались,
класть обратно их было лень,
и, как посланная украдкой весть,
на этом месте цветы пробивались
и иная неунывающая хрень.
...Сорняки мы по просьбе тёщи выпалывали
(должен быть дер порядок!),
но через пару дней они снова,
не говоря ни слова, горстью выпаливали –
точь в точь стрелы лука со щедро политых грядок.
...Когда поверх живота улеглась плита,
тесть потускнел, но сумел
сделать по-своему, как всегда:
вчера, когда нам понадобилась вода,
на кладбище не оказалось воды.
Мы смели с плиты листья, но остались следы –
отпечатки перьев какой-то птицы.
А стоило облокотиться
на камень и заглянуть в плиту,
в тускло поблёскивающую её немоту,
как в ветвях древесного отражения
я увидел без напряжения
большой копошащийся силуэт –
скорее птицы, не человека, нет.
Я поднял голову, над головой
ещё не покрывшееся листвой
дерево помахивало ветвями.
Надо ли объяснять словами,
что никакой птицы в них не было?
И, не рассуждая уже про были и небыли,
я снова нагнулся и улыбнулся:
«Привет, Фимсеич!»

* * *

Старость – это подглуховатость, за глупость
принимаемая заносчивыми потомками.
Старость – это скорость, размениваемая на скупость,
но старость – это и новые радости перед потёмками.

Старость – это брезгливость, которая в вирши фальши
мешает пролезть, ибо не успеешь отмыться.
Старость – это зоркость не наружу, а дальше
и целеустремлённость – хотя куда стремиться?

Пора не стремиться уже, а стрематься,
но лень и мешает ненависть к старческим темам.
Впрочем, чем подготовкой к кремации заниматься,
лучше что-то жевать – к примеру, пирожное с кремом.

Старость – это когда жена всё дороже,
но каждую юбку гладишь взглядом.
А ещё, когда внуку корчишь рожи,
за спиной строгой дочки, стоящей рядом.

* * *

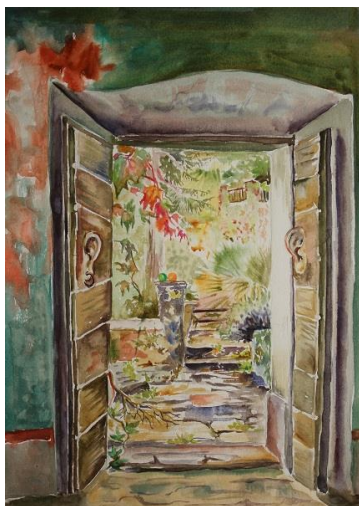
За калиткою у дачи
вылез первый одуванчик.
Муравьи вокруг судачат –
неудачный, мол, кривой!
А какой он неудачный,
если он растёт у дачи?
Просто солнца недостача,
просто холода в избытке.
Мёрзнет бедный у калитки
с непокрытой головой.

Рядом что-то вроде каши,
рядом бегают букашки,
одуванчик же замёрзший –
он не видит ничего.
Шмель тяжёлый неуклюжий,
чуть не плюхнувшийся в лужу,
где-то перезимовавший
(то есть в сущности шмелиха),

совершив посадку лихо,
чуть не падает с него.

А на небе, а на небе
тоже жёлтый одуванчик,
рядом тучка-медвежонок
(медвежата – как шмели!).
Недоросток самолётик
между ними влазит прытко,
и продёргивает нитку,
и скрывается вдали.

Но за тучей-медвежонок
шли бывалые медведи
и расселись, как соседи,
что зашли на полчаса,
но, до выпивки охочи,
задержались на полночи.
Дремлет ветер – притомился,
шмель смешной куда-то смылся,
а в домах померкли окна.
И распалась на волокна
в небе нитка-полоса.

Анна Будина¹. «И у дверей есть уши». Акварель, бумага, 36x48 см., 2016 г.

¹ Информация о художнике приведена в конце журнала, в разделе «Художник номера».

Анна ГЕРМАНОВА (ГЕРМАНИЯ)

Родилась в Подмоскowie в 1972 году. Окончила Московский энергетический институт. До 2008 года училась и работала в Москве. Последние 10 лет живёт в Германии, недалеко от Франкфурта-на-Майне. Финалист и лауреат ряда международных литературных конкурсов и фестивалей. Лауреат Национальной литературной премии «Поэт года» за 2016 год. Публикации в альманахах «45-я параллель», «Дежавю» (изд-во «Алетейя», СПб). В марте 2018 года Оргкомитетом Премии «Поэт года» выпущен сборник стихов Анны Германовой «Триста способов дышать».

У Анны Германовой свой поэтический жест. В её стихах слово знает своё точное место, определённое по законам поэзии. Стих её выразительно инструментован, аллитерирован, полнозвучен. При этом стихотворная речь экспрессивна, энергична, полна динамики. Автор умеет удерживать внимание читателя.

Д. Ч.

* * *

А дальше ехать было некуда.
Из ниоткуда в никуда
Созвездия бродили неводом
По дну зацветшего пруда,
Под их прицелом уезжали мы,
Тюрьму меняя на суму,
пражанами и парижанами
в окне раскачивали тьму.
Текли вокзалов стыки ржавые,
Платформ окурки и лузга,
искрила, испуская ржание,
дороги вольтова дуга,
выкидывали рельсы лезвия,
валились под вагон огни,
а небо к северу прорезала
гусей вольфрамовая нить.
Но, глядя вдаль, ещё не знали мы,
Что их закатное звено
Бестрепетным холодным пламенем
в последний раз озарено.

МУЗЫКА

и плеск воды, и треск цикады,
и роз тяжёлые аркады,

и тёмных кипарисов тени,
и старой лестницы ступени
бледнеют, меркнут, отступают,
несётся пыльная, слепая
– не разобрать! – в лицо листва,
в губах теряются слова,
и вдох всё глубже и вольнее.
Отчётливее и больнее
в какой дали? – поди, пойми! –
немая музыка гремит
призывом или укоризной
изводит – у неё и вызнай,
её и спрашивай одну,
в какую ширь и глубину,
на пажити какого рая
так безвозвратно забирает,
томит и тянет и поёт
освобождение твоё,
каких отрогов мчится мимо,
где купины неопалимой
встают стога гудящей стаей
и ввысь летят, не улета.

* * *

Что за лестница крутая,
Рябь страниц по всей судьбе,
Переплётów ветхих стая,
Лепет горних голубей?
Кто в ночи моей Иаков,
Моему ковчегу Ной,
Козье стадо в пёстрых знаках,
Древних лоций перегной?
Кормшит правнук Ибрагимов,
Декабрю крестовый брат,
Через питерскую зиму
На халдейский зиккурат,
Пролагает тяжкий волок
По январской целине,
По ступеням книжных полок,
дай-ка, просит, руку мне,
да поднимемся повыше

по строительным лесам,
может, там ещё подышим
сквозь воронку в небесах?
Здесь морочит нас морошка,
Трудной смерти маета,
Да серебряная ложка
у разорванного рта.

* * *

Из Москвы – в Мокропсы и Вшеноры,
На отмытый песками погост,
в год глухой двадцать пятый, в который
распрямялась, как в гроб, в полный рост,
в эту даль, в эту боль – будто жало
или гвоздь, заржавевший в доске,
вынимала себя и рожала
в эту жизнь на чужом языке
и дома, и деревья, и сына,
и застывшие губы полей,
что тебе остаётся, Марина,
то и держит на каждой земле –
эта страсть, эта власть, это слово,
словно воды отходят, плывёт
всё неистовой за Крысоловом
прямо в музыку – в море твоё.

* * *

Если снег не приходит – приходят последние сроки.
Нет ни в чём белизны – не блестит на верёвке бельё,
Полиняли берёзы, в них блёклые спорят сороки,
Всё никак не поделят гнездо на «твое» и «мое».

Что за свет не прямой, исподлобья, беспмятно-серый,
Налегает всей силой на крыши, моргает совой,
Застигает врасплох меж сомнением, страхом и верой,
окунает в бесснежие, словно в купель с головой,

отпускает ли стать придорожных кустарников святы,
воробьиным пером наудачу лететь в темноте,

возноситься, и падать, и помнить, что нечем держаться,
разве воздухом строк и дыханием спящих детей.

ПТИЧЬЯ БИБЛИЯ

Весь этот дом, весь этот сад
с его Синаем и Фавором
возносят к небу слитным хором
детей синичьи голоса.

Везде струится горный свет
и каждый день клокочет смехом
и щебетаньем под застрехой
в чердачной жаркой синеве.

Здесь звёзды низкие дрожат
Над кровлей зимними ночами,
По сонным вскрикам различая
щегла, малиновку, чижа.

И в этот дом, и в этот сад
с прудом – Генисаретским морем
под сводом куш Мамврийских – вскоре
последняя придёт весна.

И дом, и сад уже не вам
в удел, в приданое, в наследство,
не ваше осеняет детство
рябин и яблонь тихий храм.

Малиновка, щегол и чиж,
я с вами, Господи, я с вами!
Вот наши тени над домами,
На скатах черепичных крыш,

Последний промельк в пустоте
Меж гулких стен Иерихона,
На перекрестиях оконных,
в небесном частом решете.

БЕРЕСКЛЕТ

Вот и станок другой, и челнок другой,
тки, распуская контуры берегов,
саван самой себе, ты и так в гробу,
прошлое в колыбели качать забудь!
Память – не самый добрый из верных слуг –
Снова кладёт дитя в пеленах под плуг,
Всю тебя – на жаровню безмужних дней,
вяжет в узлы к хвостам четырёх коней,
в степь выгоняет, и размыкает сеть,
и отпускает сердце твоё лететь
оземь и в осень, в яростный бересклет,
там, где по копыям сосен стекает свет.

ПОЛЫНЯ

Мосты наводишь, лепишь пелену
Кисельных берегов, на ней – дома,
Но стоит оступиться в полынью
Десятилетней давности письма –

и без остатка чёрная дыра
тебя вбирает, поглощает свет,
вычерпывает воздух. Умирай
в воронке слов, которым десять лет,

во льдах летейских, в пламени реки,
не ставшей ни свободой, ни судьбой...
Гори за то, что было не с руки
Сжигать мосты и письма за собой.

Ольга ХВОРОСТ (ШВЕЙЦАРИЯ)

Родилась в Крыму, выросла в Таганроге. Окончила Ростовский мединститут. В настоящее время живёт в Швейцарии. Пишет стихи лет десять. Стихи публиковались в «Литературной газете», «Независимой газете», ежегодном альманахе «Глаголь» и других альманахах и сборниках. Член Московского клуба юмористов «Чёртова дюжина». Лауреат Первой премии «Народный поэт» (2015), Российский союз писателей финансировал издание книги. Лауреат Первой премии всероссийского конкурса «Умный смех», Лауреат Второй премии фестиваля «Ганноверская весна 2019».

Ольга Хворост нашла свою нишу в пространстве современной поэзии. У неё своё видение и восприятие окружающего мира, в котором бытовые предметы живут человеческой жизнью, а люди живут по законам иронического, но незлобного взгляда автора, пристально и по-своему вглядывающемуся в их судьбы. Юмор у неё органичный и удивляющий своей необычностью.

Д. Ч.

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Была среда. Застряв над Спасской башней,
Клубилась туча, дождь прижав к груди;
Обычный день, такой же как вчерашний,
Бессмысленно по городу бродил.
Сидел в пустом кафе за чашкой чая,
Зевал, курил, рассматривал гостей
И бесконечно длился, огорчаясь
Отсутствием хороших новостей,
Подслушивал чужие разговоры,
Людские тайны прятал в рукава,
Считал ворон, столбы и светофоры,
То хмурился, то что-то напевал.
Под вечер суетился бестолково,
Загадывал, считал до десяти,
Но не случилось ничего такого,
Чтоб появился повод не уйти.

РИСУЕШЬ

просыпаешься, открываешь глаза – темно,
соображаешь, сомневаешься, чешешь репу,
берёшь краски, распаиваешь окно
и рисуешь небо,
голубое-голубое, огромное, без границ,
смотришь и думаешь – какое ж оно пустое,
берёшь краски и в небе рисуешь птиц –
примерно штук сто, и
беспокоишься – вдруг замёрзнут, погибнут вдруг,
пытаешься их согреть – не удаётся,
берёшь жёлтую краску – рисуешь круг,
чтобы было солнце,

теперь – порядок, собираешься наконец,
спешишь, шапку – на голову, в ботинки – ноги,
открываешь дверь... а там ничего нет!
и ты рисуешь дорогу.

АБСУРДНОЕ

Куда-то по стене наискосок
тянулась ночь безумной канителью...
– Всё шастают и шастают за дверью! –
взглянув в себя, сказал дверной глазок.
– Как будто там – народная тропа, –
добавили ехидно половицы;
хотелось дверь открыть и убедиться,
но ключ от дома с вечера пропал.
Комод протяжно скрипнул и затих,
установившись в разводы на обоях,
собачились ботинки меж собою
о том, кто шёл проворнее из них.
– Хоть надевай передник и кухарь,
чтоб для себя состряпать угощенье! –
от прочих не скрывая возмущенья,
бурчала мышь и трескала сухарь.
– Ззззздесь всё не так, зззззздесь всё всегда не то, –
навязчиво жужжала сверху муха,
и с вешалки задумчиво и глухо
вздохнуло неожиданно пальто.
В тиши проскрежетал дверной замок –
ключ наконец-то найден был и вставлен...
прокралось солнце в щели между ставен
и сон, в подушку спрятавшись, замолк.

ЭМИГРАНТСКОЕ

Я иду по городу, он многолик и многоголос,
он течёт мне навстречу по нагретой солнцем брусчатке,
ныряет в глаза, пропитывает собой насквозь
и выливается на улицу через пятки.
Вот проскочил взъерошенный рыжеволосый шкет,
за ним – старушка на синем велосипеде,
остановилась и с интересом смотрит мне вслед...

а эта приятная пара – мои соседи.
Город пьянит и влюбляет, как молодое вино,
в бульвары, в соборы, в аистов на старых крышах,
«Gruezi!» – шепчу я ему по-швейцарски, но
он не понимает меня или пока не слышит.
И всё же я чувствую – он потихоньку во мне
осматривается и уже облюбовал себе угол;
я иду по городу, и с каждым шагом сильней
мы обживаем друг друга.

НА РОДИНУ

– Ветрюган за шторками так и свищет,
Гонится за поездом, как дурак...
А в деревне нашенской – красотища,
Зацвела черёмуха во дворах.
Клюква заневестилась у болотца,
Луг цветочный стелется за рекой;
Всё-то в вашем городе как придётся,
А у нас пригожество и покой,
Словно спишь у Господа на ладони!
Церковка намолена – благодать...
Внуки стали взрослыми. Баба Тоня
Ехала «на родину помирать».

КАТЯ

Катя приходит к бывшей свекрови,
Варит ей суп-пюре из моркови,
Моет полы, ругая коровой,
Выжившей из ума.
Та, демонстрируя свой характер,
Будто назло не встаёт с кровати,
Да и не помнит старуха Катю –
Полный в мозгах туман.
Видно, судьба у неё такая –
Думает Катя, тряпье стирая;
Кличет свекровь то Витька, то Раю,
Просит найти кота...
Бабка чудит, а ей не до смеха –
Витька давно отсюда уехал

В Питер. Сперва говорил – до снега,
Так и остался там...
Катя привыкла и не в обиде,
Да и на кой ей сдался тот Питер.
– Ложку за Раю, ложку за Витю...
Что это на носу?
Ну, ты хотя б не вертела рожей,
Если решила обедать лёжа...
И осторожно ложка за ложкой
В бабку вливает суп.

ДНЁМ ОНА ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ...

днём она продолжает жить, ходит по-прежнему на работу, пишет релизы, сдаёт отчёты, делает графики, чертежи, вечером возвращается в дом... в сумерках с половины седьмого весь кошмар повторяется снова: старые стены грустят о нём... тапки хозяина ждут и кот... вот и она, приготовив что-то, ждёт возвращения его с работы, глупо надеясь, что он придёт, пристально смотрит в провал окна, после чего поправляет штору, в сердце взрывается каждый шорох тахикардией, потом она бродит по комнатам, невзначай – автопилотом – включает чайник и, утопая в своём отчаянье, пьёт, обжигаясь, на кухне чай, верить пытаясь, что там аврал, срочная командировка в тундру, что телефон сломал / потерял и непременно вернётся утром, щурит заплаканные глаза и заставляет себя не думать...

не вспоминать о том, что он умер ровно неделю тому назад.

БАБУШКА

В жизнь его больную, суматошную,
Где, что умирать, что убивать,
Приходила женщина из прошлого
И бочком садилась на кровать.
Не забытый с детства запах ладана
Он вдыхал и жалобно ревел,
А она всё гладила и гладила
По его пропащей голове.

ПОСЛЕСКАЗОЧНОЕ

В гостиной у горящего камина
среди картин, часов и гобеленов
стояла сумасшедшая Мальвина,
кремируя полено за поленом.
Хотелось убивать и быть убитой,
раз не случилось вечно быть любимой;
то ненависть душила, то обида...
А тени, как в театре пантомимы
плясали джигу на бездушных стенах –
свидетелях ночного холокоста...
Всё было до обыденности просто,
безумно и смешно одновременно –
Мальвина навсегда просталась с прошлым
и целовала каждое полено,
собой напоминавшее о нём,
чтоб тут же окрестить его огнём
в камине с расписными изразцами...
Те проливали горькую смолу
и, превращаясь в пепел и золу,
из пламени смотрели на неё
печальными сосновыми глазами.

МОРОК

– Знаешь, я парнем отчаянным был всегда.
Да и в русалок не верил, совсем, как ты...
Только случилась однажды со мной беда:
С другом сидели вот так же мы у воды;
Звёздное небо, над морем плывёт луна,
Он закурил, я на волны гляжу, и вдруг
Вижу: русалка качается на волнах –
От нереальности перехватило дух,
Взгляд её – точно над бездной водоворот,
Плавится воля в пожаре зелёных глаз –
Плачет, смеётся, куда-то с собой зовёт...
Глядь, а по морю дорожка ко мне легла..
Тут убежать бы, послушаться, не посметь,
Только не сбросить дурмана её оков:
Я понимаю, что это – дорога в смерть,
А на душе почему-то легко-легко.

Море такое прозрачное – только тронь –
Кажется, что зазвенит на все голоса;
Вдруг опустилась луна на её ладонь
И звездопадом осыпались небеса.
Я начинаю от счастья сходить с ума...
Тут деревенский петух прокричал рассвет;
Морок прошёл, над водою исчез туман,
Я оглянулся на друга, а друга – нет...

ЧЕЛОВЕК ДОЖДЯ

Бабы твердят – дурак,
место таким в психушке,
хоть и не буйный, всё ж
лучше б свезла в район;
Воду Иван с утра
сам наливает в кружку
и на обоях дождь
кистью рисует он.
Мажет то вниз, то вверх –
стены пошли коростой...
выгнать пыталась дурь
(сыну неполных семь),
доктор сказал: – Поверь,
он не болеет, просто
мальчик твой, на беду,
ну... не такой, как все.

Бросив себя винить,
справилась постепенно –
если надежды нет,
то ничего не ждёшь;
бывший порой звонит:
– Как там Ванюшка, Лена?
Та лишь вздохнёт в ответ:
– Ваня рисует дождь!

СТИХИ ПРО МЭРИ И ЕЁ ТАКСУ

Долговязая Мэри в резиновых ботах
не любила часами сидеть у окна,

а напротив, любила в любую погоду
из Вест-Энда в Гайд Парк совершать променады.

С ней гуляла собака по имени Лакки,
длиннотелая, словно Вестминстерский мост;
там где зубы, там морда была у собаки,
а с другой стороны, соответственно, хвост.

Морда шла за хозяйкой дорогой знакомой
мимо пабов, кофеен и ярких витрин,
в это время и хвост выдвигался из дома,
чтобы тоже развеять прогулкою сплин.

Если морда по парку круги нарезала
и гоняла котов от угла до угла,
то, чем хвост занимался в районе вокзала,
даже Мэри представить себе не могла.

Погуляв, возвращалась домой вместе с мордой,
звонким лаем пугавшей окрестных собак,
и всегда им навстречу, любясь природой,
чинно шествовал хвост, направлявшийся в парк.

Так, сквозь смог отмотав три английские мили
по брусчатке дорог и по мокрым кустам,
боты сняв наконец, Мэри морду кормила
и ждала возвращения с прогулки хвоста.

Только хвост не давал ей забыть в релаксе –
в приключения попой влипал каждый раз...
так и жили хозяйка с породистой таксой,
что была самой длинной из лондонских такс.

Леонид ПОТОРАК (ЧЕХИЯ)

Родился в 1994 году в Кишинёве. Автор поэтических сборников «В спичечном коробке», «В убедительных сумерках», повестей «Сатъя-Юга, день девятый», «Прибытие поезда» и др. Помимо этого публиковался в газетах и журналах в России, Молдове, Чехии, США, Украине, Латвии. С 2014 года живёт в Праге. Лауреат фестиваля «Эмигрантская лира» (2019).

Леонид Поторак интересен нечаянностью поворота своей стихотворной речи. Поэт работает, как художник, пишущий свои

картины сильными ударами кисти. Образный метафорический стих высвобождает пространство для неизбежных решений, которыми автор удивляет читателя, охотно идущего за поэтической мыслью Поторака.

Д. Ч.

ОРФЕЙ

Пробегают тени сквозь переулок,
Где соседи уводят собак с прогулок.
Отъезжает трамвай, пахнет тёплой мукой из лавок,
Засыпает мой город в высоковольтных лаврах,
Вечереет река; открывается свод над ней
Тёмно-красный от городских огней.
А на сердце такое – как лампочка в коридоре,
Будто ждало нас, но миновало горе,
Будто кто-то вот-вот похлопает по плечу,
И покажется: я лечу

В утешительных сумерках, в общем заветном лимбе,
Где ещё не воскресли те, кого мы любили,
Но уже не потеряны их часы и альбомы,
Это к ним летим мы, медленны и неуклонны.
Что за гром над рекой, что за свет в пустоте великой?
Это к нам возвращаются наши собаки, книги,
Сияют над головой.
Подумаешь об Эвридике
И до вечера сам не свой.

Это голос её кричит из закатной меди:
«Всё идёт в направленье любви и смерти,
И пока ты шарить ключи в подъезде,
Ты летишь, о, ты не стоишь на месте».
... Уплывают ивы, ветками загибая,
А за ними – линия голубая.
Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Ну и вечер.
Ангел мой, мне даже поклясться нечем.

Разве тем, что давно не имеет веса,
Что, казалось, больше не увидишь и не вспомняешь,
А оно воскресло
Прежде других вещей.
Ты прекраснее, чем бабочка породы ванесса,

Чем снежинка бумажная в день бесснежный,
Чем фонарь, загорающийся над головою,
Чем слово «меридиан».

ПРОСТОЕ

Здесь такая синева
Хоть представь на миг
Что несёт меня трамвай
Мимо глаз твоих
И не так уж велика
У меня беда
Но проснусь и Боже как
Я попал сюда
Только бабочкой в окне
Лодочкой в горсти
Тот мотив который не
Воспроизвести

ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНО

А ночь наступает черна как смородина
Чудна и торжественна
в клумбах шмели
И воздух от жара столь плотен что вроде бы
Не видно земли
Густеет над городом тёмное месиво
Деревья листвой шевелят
И сходит вода словно пальцы гермесовы
На панцирь сгоревшего здесь жигуля
И громче собак и взорвавшейся градины
Сирен всполошённых и ливня поверх
В обугленных недрах врубается радио
И ловит почти без помех
И голос звезды отдаленного выселка
Мне до рассвета поёт
О самой прекрасной о самой немислимой
А я-то не верил
а вот

КОСМОПОЛИТИНФОРМАЦИЯ

А когда однажды поймёшь, что нет
Ни шиша у тебя в горсти,
Нет патронов, канул последний френд,
Площадь суши начнёт расти.
Одного выносит, как жухлый лист,
В клочьях пены, травы, икры,
А другой встаёт, говорит: я чист;
И оба они мокры.

А третий выходит, бормочет: вот,
Из какой мы, однако, Ж
Выбираемся, кто ж нас теперь возьмёт;
И идёт раздавать ужей.
Мол, тебе ужо и тебе ужо,
Ужо, говорит, вам всем.
...А звезда ползёт золотым ежом
По небу на Вифлеем

* * *

ты всё ещё спишь рассыпается снег
а нечто вершится над нами
и вдруг совершается голубь в окне
и веник еловый в стакане
над крышами носит большую пургу
окно дребезжит на ветру и
мне снится что в этом счастливом кругу
меня распластает витрувий
и господи как же мы станем ясны
каким же наполнятся светом
все лампочки мира все елки и мы
и в тучах плывущая эта
то злая фигня то святая звезда
сродни близнецам да плеядам
которая нас возвращает сюда
хоть голубем хоть снегопадом

* * *

Приходит ветер с реки. Зима
Проходит вторую треть.
Дома толпятся в ночи, дома
Не могут себя согреть.
И между нами, снега копя,
Ложится земная гладь,
И, просыпаясь, возле себя
Дыханья не услышать.

И только где-то в квартире шесть,
Не торопясь ко сну,
Сосед до полночи лупит в жесть
И молится на луну.
Луна, качаясь в его борще,
Подумает: нет суда
Над нашей тоскою, и вообще,
И светится, как слюда.

И кружит ветер, и суета
Овладевает мной;
Но нет суда, и идут сюда
Суда от земли иной,
И как покажутся нам мелки
Наш невод и наш улов,
А что мы все – черепки, долги
Вблизи их крутых бортов.

В размахе их серебристых крыл
И в окнах их голубых.
И мнится каждому: прежде был
Он также одним из них,
Летел, плевал себе в облака,
Строку повторял одну,
Что расстоянья смешны, пока
Мы видим одну луну.

А может, стоит именно так
Сойти со своей оси:
На всём, что прежде имел, кулак
Разжать и поднять шасси,
И чтобы уже никогда ко дну,

В такую же ночь и тишь,
Где я бы был на свою луну,
Но ты на свою молчишь.

СТРОФЫ

Как ни несло ни било
Только в один из дней
Станут белей белила
Голуби голубей

Выгляну ли увижу
В лужах скользят рябя
Вишня антенна крыша
Похожие на тебя

Радугами мигая
Двигутся по воде
Мне мол печаль какая
Что ты сейчас и где

Тем и спокойней тем и
Легче в такие дни
Думается что все мы
Всё-таки не одни

Что вот ещё полслова
Полвыдоха полбеда
Смотришь а у любого
Есть непременно ты

Кухня и подоконник
В жёлтых таких лучах
И блюдце в твоих ладонях
Светится как свеча

Или сверкнувши мылом
Выскользнет из руки
Белое как белила
Круглое как круги

НА ВЗЛЁТ

Ты не пена, ты не глина, не ребро, –
Ты какое-то летучее добро.

Ангел мой, лети обратно в облака,
Мне останутся два жёлтых огонька,

Словно точка с запятой по-над бездной
Тёмно-синей, грозовой, наднебесной.

Людмила СВИРСКАЯ (ЧЕХИЯ)

Родилась в Алма-Ате (Казахстан). В 17 лет переехала в Барнаул (Алтайский край). Окончила факультет филологии и журналистики Алтайского государственного университета (1995 г.). С 1999 года живёт в Чехии, в Праге. Занимается преподаванием, редактированием, переводами. Автор нескольких стихотворных сборников и многочисленных публикаций в журналах и альманахах: «Сибирские огни», «Берега», «Волга», «Симбирск», «Под небом единым», «Север», «Чайка», «Южный остров» и др. Призёр фестивалей «Эмигрантская лира», «Русский стиль», финалист Всероссийского конкурса «К 200-летию И.С. Тургенева» и др. Победитель конкурса «Пушкин в Британии» (2018 г.).

Людмила Свирская – лирик по призванию. Её стихи вызывают неравнодушный отклик на открытость, искренность прямого поэтического высказывания. Радость и грусть идут бок о бок, иногда спасая свою незащищённость самоиронией. Лучшие её стихи отмечены точным словом и лаконичностью стихотворного повествования.

Д. Ч.

* * *

Ни единым облаком не хмурясь,
Замаячил мартовский денёк.
Я с тобою, кажется, рифмуюсь,
Хоть и многим это невдомёк.
Друг от друга нас не отпуская
И на половинки не деля,
Бьётся рифма – женская – мужская,
На которой держится земля.

* * *

Год на исходе. Конец декабря.
И в эпицентре любви – не трясёт.
Ты мне замолвишь местечко в раю?
К стенке приклеишь табличку: «RESERVED»?
Нет, не сейчас: ты ведь будешь не рад...
Просто когда-нибудь... в вечер любой...
Если же это окажется ад –
Мне всё равно. Лишь бы только с тобой.

* * *

Я всё жду – вдруг начнётся обратный отсчёт,
И опять повстречаю весну я,
И река – незнакомая – вспять потечёт,
Все пороги умело минуя,
Мимо губ, вечно лгущих. Неверящих глаз.
Снов и сказок, трубящих победу,
В город детства. Единственный. Где родилась.
И откуда уже не уеду.

* * *

Смерть – в вечность один прыжок или на ощупь спуск. Первая боль – ожог. А следующая – укус, даже не скажешь – чей. Просто раздулся, вспух. Сотню разных врачей пригонит к тебе лопух, который не верит, что есть вещи, которых нет. И смерть в голубом манто, как прежде, доступна мне. Все сядут, вздохнув, кружком, чтоб горе изображать. Дыхание перед прыжком попробую задержать. Чего мне бояться, ну, коль рядом твоё крыло? Куда-то на глубину нырну за тобой. Тепло. Пусть кто-то кричит: «Не смей! Цепляйся, виси, держись!» Ты выбрал однажды смерть, чтоб мне оставалась жизнь.

БЕТХОВЕН

Пыль с мёртвого рояля деловито
Сметает фрау Мюллер день за днём.

Как он звучал, рояль мой! Dolce vita!
Моё ль остановилось сердце в нём?

Не морщась от щелчков и зуботычин,
Я накрепко, до хруста, сжал кулак:
Угрюм и одинок. Косноязычен.
И по губам читаю кое-как.

Клубок судьбы давно уже размотан,
Уплачен долг ещё одной весне.
Проросшими фасолинами ноты
Разбухли в абсолютной тишине –
Заношенной, затянутой, затёртой...

И если с губ срывается упрёк,
Теснятся пирамидами аккорды
На чёрном небе вдоль и поперёк.

А впереди – бемоль, как белый парус.
Квартет «d-moll». Душа идёт ко дну...
Я вытяну всю музыку из пауз
И до последней ноты вам верну.

ПОРОСЕНОК НИФ-НИФ

Нас на этом свете только трое.
Старший брат цеплялся, как репей,
Дом кирпичный предлагал построить...
Я Ниф-Ниф, который всех глупей,
Говорю: быстрее – из соломы,
Потому что рвётся прочь душа...
Не могу сказать, что я бездомный,
Просто мне хватает шалаша.
У меня есть стол, кровать и кружка,
И прохлада в летнюю жару...
«Здесь с тобою рай», – моя подружка
Мне шепнула как-то поутру,
Помня волшебство грибного супа,
Котелок забытый на траве...

Я Ниф-Ниф, который самый глупый,
С золотой соломой в голове.

* * *

По-итальянски – только о весне
И о любви! (О чём ещё, скажите!..)
Пока не знаю слова «небожитель»
И фразы: «Ты вчера приснился мне».

Зато спрошу небрежно: «Come va?»,
Lavogo, cerco, abito спрягаю.
Скажи: carina, то есть – дорогая,
Коль русские теряются слова.

Весна. И бесконечны облака,
Весь мир вокруг mi piace, piace, piace...

Хрустальный колокольчик в сердце плачет
От близости чужого языка.

* * *

– Зато не пью, – сказал он напоследок
И прошептал под нос себе: «Пока».
Стекали тени с мокрых чёрных веток,
И фонари глазами злых соседок
Глядели на него исподтишка.

Из дома вышел – бывшего, родного,
Где стул его пустует у стола,
Где тонкий, тёплый блин в сметане, снова
Налит горячий чай, и лист кленовый
Торчит из вазы белого стекла.

Он знать не знал, что свод небесный рухнет
Вот так, в один момент... Не удержал...
До слёз слепящий свет фонарный – тухнет,
Коль Бывшей стала женщина на кухне
С последнего – шестого – этажа.

* * *

Я пишу про свет и про тьму.
Обжигала муза – звезда.

Я в ночи летала к нему –
Но не долетала тогда.
А теперь, как нянька, торчит
Муза надо мной у стола...
Я опять летаю в ночи:
У меня не крылья – метла...

ПРАЖСКОЕ

Из ирисок, слипшихся бочками, –
Крыши в старом городе моём.
Простучим с тобою каблучками
По нему когда-нибудь вдвоём.

Мы подышим вечности в затылок,
Чтоб чуть-чуть её опередить
И из тёмных башен, как бутылок,
Мудрости столетий нацедить...

ТРИ ГОРОДА

Три города случились наяву
В судьбе: один весёлый, светлый, южный,
Другой – суровый, северный и выюжный,
А третий – тот, в котором я живу.
И в памяти распахнутой сквозят
Все эти годы, солнечно-туманны:
Вот юная, смеющаяся мама,
И бабушке – едва за пятьдесят.
На доме нашем лозунг: «Мир, май, труд!»,
Оторванная ручка от портфеля,
И выпускной, и старые качели,
И синих гор торжественный уют...

Другой пейзаж: сугробы, тишина,
Тропинка к alma-mater, рифмы, оды,
И всё впервые – истина, свобода –
В одном глотке невнятного вина.

И, наконец, мой третий город – вот.
(Последний, говорите? Нет, пожалуй...)

Коляска на мощёнке дребезжала:
Сын сладко спал в свой самый первый год.
А я брела – и до сих пор бреду,
Под старым замком, до изнеможенья,
Судьбы своей смешное продолженье
Зачем-то сочиняя на ходу...

Алексей ГЛУХОВСКИЙ (ГЕРМАНИЯ)

Родился в Москве 22 апреля 1955 года. Окончил факультет журналистики МГУ. Работал на радио. С 2001 года живёт в Баден-Бадене. Стихи пишет с юности, много лет занимался художественным переводом с немецкого, французского, сербского языков. Поэтические переводы печатались в сборниках издательства «Художественная литература», в «Литературной газете» и др. Автор сборника стихотворных переводов «Слова» (Москва, 2013), а также поэтических книг «Лирика» (Нью-Йорк, 2015), «Вид из окна» (Москва, 2017), «Знаки времени» (Москва, 2018). Лауреат Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» (2018) и 6-ой Международной поэтической премии «Образ» за 2018 год.

Алексей Глуховский часто обращается к теме поэтического творчества, что всегда таит в себе опасность банального суждения. Но автора спасает самоирония и тот очевидный факт, что для него такие стихи – повод для размышления о жизни во всех её проявлениях.

Д. Ч.

ТОЧКА ОТСЧЁТА

Боюсь спугнуть нечаянно
строку,
упавшую как будто
из астрала,
как птицу, что
из-под небес упала,
а приручить её
я не могу.
Она дана не ради
красоты –
а ради ощущения
полёта.
Там точка начинается
отсчёта,
Где зародилось чувство высоты.
И формируется её крыло,

что учиться противиться
потоку
и в воздухе держаться
без упрёка,
куда бы против воли не влекло.

* * *

То пишется,
как дышится – легко,
то дышится, как пишется
– натужно.
До совершенства –
ох, как далеко!
А все ж стремиться
к совершенству нужно.
У каждого свой в жизни пьедестал,
понятие о красоте
и чести.
Один лишь до него
шагать устал,
другой – о призовом мечтает месте.
Сегодня к небу ближе,
чем вчера,
а завтра будет ближе,
чем сегодня...
О, Господи,
какие вечера!
Пусть всё случится,
как Ему угодно.

ФЕЙСБУКУ

У меня друзей наперечёт,
словно пальцев на одной руке.
Новых не планировал ещё,
старые висят
на волоске.

Пусть с годами убыль всё видней,
и заметней явный недобор,

не ищущи замены для друзей,
этот выбор скуден и не скор.

Ты ко мне не засылай сватов,
не пытайся дружбу навязать.
Я сегодня даже не готов
твой «фейсбучный» адрес записать.

* * *

на дворе соседском лает сука
на столбе повесилась луна
хуже горькой редьки депрессуха
сводит поздних дачников с ума

выйти что ль в осенние потёмки
под покров медведицы большой
и смотря на звёздные обломки
ощутить гармонию с душой

из ковша небесного напиться
поклонясь святому роднику
и по божьей воле обновиться
оттерев налипшую тоску

* * *

Жизнь, как тоненькая книжица –
тесно свёрстаны года.
День за днём на нитку нижется
пёстрых будней череда.
Бесконечно мельтешение
незнакомых тел и лиц.
Не поддаваться б искушению
вырвать несколько страниц.

* * *

новый день
новый взгляд

новый смысл
новый стих
всё что было
дано мне
как будто
достиг
новый стих
новый смысл
новый взгляд
новый день
но пока ещё
жажду
себе перемен
новый день
новый стих
новый смысл
новый взгляд
он нацелен вперёд
без оглядки
назад
новый взгляд
новый день
новый стих
новый смысл
невозможен уже
никакой
компромисс

ВЕСЕННЕЕ

дождь землю поцелуями покрыв
забыв спросить её руки у неба
прибрал почистил досветла отмыл
и лишь затем проник в тугие недра

животворящей влагой напоил
все уголки заполнил все пустоты
и под конец совсем лишившись сил
затих в объятьях утренней дремоты

БЕЗДЕЛЬЕ

Как дни бывают легковесны,
полны бессмысленных забот!
Своей бесцельностью прелестны,
вершат пустой круговорот.

Они не тянутся – мелькают,
не успевая надоесть.
Есть в них улыбочивость такая,
что только у безделья есть.

* * *

Я жизнь давно пустил на самотёк –
любовь, здоровье и стихов поток.

Пусть всё идёт обычной чередой,
никак не управляемое мной.

Пуškai меня как раньше захлестнёт
любовь – и по течению несёт.

Не стану подпускать к себе врачей –
я не нуждаюсь в помощи ничьей.

И пусть к себе всех страждущих манит
стихов не высыхающий родник.

* * *

Сирень ломают часто ради скуки,
двулично умиляясь красотой.
Выкручивают
ветви, словно руки,
обрызганные утренней росой.

И ставят ароматные
букеты
в чужих садах украденных цветов
на старые домашние

буфеты
и посреди обеденных столов.

* * *

Дай Бог дожить до юбилея,
чтоб не хандря и не боля,

до той отчётливой черты –
отгородясь от суеты.

Дай дотянуть до круглой даты,
чтоб пережить врагов заклых,

собрать оставшихся друзей
и вместе радоваться
ей.

В ОЖИДАНИИ ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Ах, апрель,
перелётная птица!
Что ты будишь меня
по утрам?
Что не хочешь никак угнездиться
и к моим недоверчив рукам?
Поджидаю тебя
в нетерпенье,
подчинённый твоей ворожке.
Ах, апрель, я своим пробуждением
одному лишь обязан тебе.

ПОРТРЕТ

Нарисуй мой портрет,
чтоб на нём я смотрелся моложе.
Пусть на несколько лет,
пусть на месяц, пусть на день, но всё же...

Нарисуй мой портрет,

чтоб в глазах не сквозило печали,
чтобы пылкость и свет,
как и прежде, они излучали.
И уменьшился нос.
Чтобы стал, как и в юности, жёсток
вместо редких волос
над висками упругий подшёрсток.

Нарисуй мой портрет
на листе карандашным огрызком –
пусть не канет мой след
для потомков далёких и близких.

Впрочем, знаешь ли, – нет:
жизнь и так всё сама подытожит.
Не рисуй мой портрет –
всё равно я не стану моложе.

Анна Будина. «Москва, Ленинский проспект». Акварель, бумага, 30,5x45,5 см. 2019 г.

ДЕБЮТ

Динара РАСУЛЕВА (ГЕРМАНИЯ)

Родилась в 1987 в Казани. Авторка (так пишет сама Динара) поэтических текстов, перформанс-артистка. По происхождению татарка, по профессии лингвист-переводчик. Недолго жила в Нью-Йорке, вернулась, чтобы два года проработать на казанском химическом заводе, после чего переехала в Германию. С 2016 года выступает на поэтических чтениях и слэмах в Берлине, Франкфурте-на-Майне, Кёльне, Нюрнберге, Токио, Москве. Победительница двух русскоязычных поэтри-слэмов в Берлине. Пишет тексты на русском, татарском и английском языках, её рассказы публиковались в литературном журнале «Берлин. Берега». Живёт в Берлине.

Динара Расулева создаёт свои тексты на основе импровизации. Строки перетекают – одни в другие. Рифма гуляет, как ей вздумается, то затаится, то выскакивает и настойчиво навязывает себя. Темп ритм нервный. Экспрессия и динамика очевидны. Образность здесь же. Типичный рэп, вызывающий раздражение у ворчливого немолодого сторонника привычных стихотворных решений. Но вслушайтесь, вдумайтесь в содержание этих стихов, в проблематику, которой они живут, и перед вами предстанет время и поколение. Поколение, которое ищет себя во времени, которое отказывается от компромиссов, поколение, у которого есть право на своё мировосприятие, на свой авторский жест.

Д. Ч.

ЛЕС

Прошу оплатить за регистрацию брака в кассу 90 рублей 00 копеек,
Говорит мне уставший навсегда, размазанный по письменному столу
человек:

За расторжение брака прошу заплатить 1300 рублей, по 650 с каждого.

Цена того, что человек не моногамен, и что самое важное –

умеет понять, где он уже не счастлив, а несчастен,

И тут часто

Мешает разное: размытое понимание слова любовь, надежда, вера:

За расторжение брака в Берлине от тысячи до трех тысяч евро

(по нынешнему курсу 216 тысяч 362 рубля 98 копеек) an der Kasse.

Помню, как еду в пятом автобусе в восьмом классе

И забыла деньги на проезд и проехала свою остановку и села не в том направлении,

И жизнь с тех пор пошла не в том направлении

Тоже.

Мы с ней похожи

Были, когда она умирала: помолодела на 20 лет, и стала прозрачной,
выцвела,

И не слышно ни взрыва, ни выстрела,
Просто дыхание переходит в дыхание чейна-стокса и обрывается.
За выдачу свидетельства о смерти госпошлина не взимается.
Похороны стоят 6,7 тысяч рублей для православных, для мусульман –
5,2 тысячи (потому что без гроба),
Для атеистов и других неверных не указано, пусть сами хоронят
Своих мертвецов. Вип-похороны 33 тысячи, элитные
(на первом ряду кладбища, чтобы недалеко идти и сразу видно) –
Сорок, а место рядом с Лобачевским или Хади Такташем или кем-то не
менее
Важным – только по знакомству. Помню, как села не в том направлении
И проехала остановку, и забыла деньги на проезд,
А потом город кончился, а потом начался лес,
И надо было сойти в лесу и потеряться
Уже окончательно и не садиться в обратку, не возвращаться
Не становиться прозрачной и не просвечивать сквозь очередь в
регистратуру
В очередной больнице или государственном учреждении стоять как
дура
Извините как правильно заполнять эти бланки
Куда заносить бумаги
Нет, не выдам, у вас нет медицинского заключения, документа о факте
смерти,
Доказательства родственных связей. Вы что, мрази, мне не верите?
Надо подписать вот здесь и здесь и пойти ещё в три кабинета,
Помню в две тысячи третьем было лето,
Была пыль в солнечном воздухе, пух деревьев, пот на сидении трамвая
(Потому что короткие шорты), ты была живая,
Я была убеждённая в человеческой способности полюбить.
А сейчас прошу оплатить
Госпошлину в размере госпошлины, карты не принимаем.
Понедельник, двадцать седьмое мая,
Тридцать один год, 175 рост, пятьдесят восемь вес,
Двадцать лет жду, когда закончится город и начнётся опять лес.

UNSHE

Когда она вышла на улицу, было ни тепло, ни холодно,
Ни лето, ни зима, ни весна, ни осень,
Ветер не бил в лицо, не было ни боли, ни голода,
Ни леса, ни города, ни панелек, ни сосен.

Когда она вышла на улицу, было ни грустно, ни весело,
У неё не было ни лица, ни тела, ни имени-отчества,
Она ни о чём не мечтала, ничего не хотела,
Не было страха и почти не было одиночества.

Когда она вышла на улицу, не было ни будущего, ни прошлого,
Не было никого из людей ни внутри, ни снаружи
Нёе, она шла медленно, осторожно,
Хотя не было ни препятствий, ни камня, ни даже лужи.

Когда она вышла на улицу, она не вышла на улицу,
Потому что не было улицы и откуда выходят. Люди
Где-то едят арбузы, занимаются сексом, смеются,
Но её среди них не было, не было и не будет.

ПРО РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Радость – всего лишь недостаток информации,
Сказал из ютуба глава немецкой партии,
А мне трудно держать лицо, трудно не засмеяться,
Когда пьяные подростки в единоборства танце
В вагоне метро: звон стекла, звуки ругани,
Криво брызнула кровь, пассажиры испуганы,
Что их маленькая бессмысленная жизнь в зоне риска,
Мол, пора отступать, мол, опасность слишком близко,
Эти лица недовольные так держатся так держатся
За возможность ещё один день ничего осмысленного не сделать,
За возможность ещё один день проснуться усталыми,
Всего просёрпанного времени им очевидно слишком мало;
За возможность повторить дом-ашан-работа-дача
(Всех предыдущих дом-работа им очевидно недостаточно),
Дайте ещё хоть один вечер прожить бессмысленно,
Можно же попроще, не запариваясь мыслями,
Раз я рождён когда-то богом, значит, жизнь моя важная,
Ну дайте мне ещё пожить: умирать страшно!
Они выдохнут спокойно, когда выйдут на следующей,
Кто-то был атеистом, но в вагоне стал верующим:
Когда смерть грозит быть втянутым в молодую битву,
Кто не знал молитв, тот придумает молитву.
Когда отброшенный ударом парень задевает ногу,
Кто не знал богов, изобретает себе бога.
Но ура, все позади, только испугались в легочь,

Главное успеть до закрытия пятёрочки,
Индеечная грудка сама себя не приготовит:
Прописана диета: плохой анализ крови,
И чтобы обезопасить себя от ранней смерти,
Сижу до поздней смерти на индеечной диете,
И чтобы оградить себя от чувства свободы,
Трачу пять дней в неделю на нелюбимую работу,
И чтобы спасти себя от свободы воли,
Делаю всё по порядку, как учили в школе:
Дом работа дом семья дети
Дом работа дом семья дети
Дом работа дом семья дети
Дом работа дом семья дети
Дом работа дом семья дети
И так до самой смерти
(Умирать страшно, пожалуйста, не умирайте)

НА ВЫНОС

Мне выносимо, как рушатся миры,
Как подростки сигают с крыши,
Сказала она,
Как падают самолеты и восемьдесят погибших,
Цунами –
Лишь бы не с нами,
Как горят соборы и взрывают дома,
Как была школа, а стала тюрьма,
У меня ни одна слеза,
Сказала она за-
Кривая глаза, – не упала, не выжалась,
Пусть бы никто не выжил,
Или выжил нечаянно,
Или вот пытаются в застенках, а я пью чай,
Или вот сбежала из дома, и убили брата,
И так пятьсот двадцать пять
Раз. Или вот он её в глаз
И по беременному животу,
Или вот подбросили наркоту,
И на восемь лет, и никто не верит.
Мне это выносимо, я могу вынести,
И ношу до сих пор в себе тот момент,
Когда умер Листьев,

Когда умерла любовь, хлопнув дверью,
Когда суеверия
побеждали любовь,
Когда смерть побеждала любовь,
Когда «можно было хотя бы подогреть» побеждало любовь,
Когда любовь к био/эко побеждала любовь,
Когда эго побеждало любовь,
(Конечно, сказала она, это больно:
Изнутри разрывает железный корявый прут,
Но хотя бы не кровавая ирл бойня,
Пострадавшие не умрут)
Когда неправильно заказанный суп побеждал любовь,
Когда грязная третий день посуда побеждала любовь,
Когда половина шестого побеждала любовь,
Когда одно слово побеждало любовь,
(Она молчала, но её всегда раздражало)
Когда билеты в один конец побеждали любовь,
Когда мужчина такой глупый, что пиздец, побеждал любовь,
Когда спать до обеда и либидо побеждали любовь,
Когда любовь побеждала любовь:
Любовь, сказала она, так легко победить,
Любовь легко победима,
Но мне это выносимо.
Я не раз её выносила
И буду ещё выносить.

* * *

какой ты выйдешь из меня – мёртвой или живой?
будет мне больно, или меня не будет?
здоровой или с помятою головой?
умной или как все остальные люди?

будешь расти прилежной или бунтаркой, как я?
кто из нас помотает другой нервы?
«зайдешь, может, или так и будешь стоять?»
простишь ли меня за то, что умру первой?

(господи, душу несчастную упокой)
будешь ли слать смс, что придешь поздно?
будешь зеленоглазой или какой-то другой?
будешь смеяться до слёз или прятать слёзы?

будешь любить больше девушек или парней?
и какую первую прочтёшь книгу?
«да опять этот бродяжный заходил за ней»
«мам, я сама разберусь, верни сигу!»

сможешь уйти от него или будешь терпеть?
«тебе жалко его, а себя не жалко?»
будешь романтизировать в старшей школе смерть
или покупать по скидкам в рив-гош тоналку?

«смотри, у неё твои уши и пальцы, но моё лицо»
«вся эта мимика до боли в груди знакома»
будешь носить бабушкино кольцо
или, стыдясь, снимать, выходя из дома?

чьи книги будешь читать, чьё смотреть кино?
волосы выпрямлять или ходить кудрявой?
«абигейл, сделай королеве массаж ног»
будешь бороться за права или терять право?

в рукавах будешь прятать порезы рук,
а при виде меня перейдёшь дорогу?
«я осталась в раздевалке, и тогда физрук...»
«ты мне надоела, тебя во мне слишком много»

будешь вести бьюти-блог и ходить в бассейн?
«ну-ка дыхни!» «да я просто успокоить нервы»
будь любой, какой хочешь, любой совсем,
и родись в этот раз живой,
и не умирай в этот раз первой.

МАМА

– Мама, почему мне красивой быть
Обязательно, а нельзя уродкой?
– Доедай лучше кашу свою с селёдкой,
И посуду потом не забудь помыть.

– Мама, можно мне платье снять,
Можно мне просто ходить в колготках?
– Ты что, дорогая, и так неловко
Перед соседями за тебя.

– Мама, почему женщина хрупкая, как хрусталь,
Если ты поднимаешь диван, когда пол моешь?
– Ты эту тему когда закроешь?
Здесь сквозит, замотайся получше в шаль.

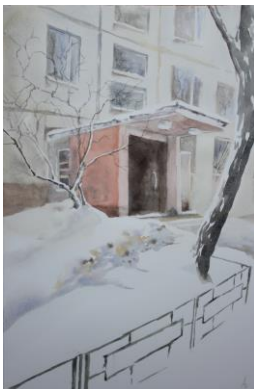
– Мама, почему виновата я,
Если меня чужой дядя сам трогал?
– Рано тебе, подожди немного,
О таком в приличных домах говорить нельзя.

– Мама, почему меньше всего поддержат тех,
Кому больше всего нужна поддержка?
– А ты не болтай языком, молча ешь-ка,
Не бери на душу детскую грех.

– Мама, почему они не вступились, когда он тряс
Меня за косу, а учитель сказал, что сама виновата?
– Мне выдумок этих твоих не надо,
Я плачу сто взносов за хороший класс.

– Мама, смотри, я делаю вот!
Как тетя красивая в той золотой рекламе!
– Молодец, а теперь помоги маме,
Не будешь хозяйственной, кто замуж тебя возьмёт?

– Мам, я вырасту, можно, другой, чем ты,
Не выйду никогда замуж, не буду готовить борщ?
– Тебе где так мозги промыли, дочь?
Не выдумывай ерунды.

Анна Будина. «Первый подъезд». Акварель, бумага, 30,5x45,5 см. 2019 г.